

~~СИГНАЛЬНЫЙ~~

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Отделение диссертантов языковедческих дисциплин

На правах рукописи

ТАГИРОВА К. Т.

**ТАДЖИКСКИЕ ГОВОРЫ
БАСТАНДЫКСКОГО РАЙОНА
КАЗАХСКОЙ ССР**

(Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук)

МОСКВА — 1952

Изучение местных диалектов и говоров таджикского языка имеет большое значение в установлении истории и развитии данного языка. Исследование территориальных таджикских диалектов и говоров, являющихся основным объектом изучения таджикской диалектологии, как науки, особенно актуальное значение приобрело после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина, посвященных вопросам языкознания.

Несмотря на то, что изучение таджикского языка и его диалектов началось ещё в прошлом столетии, в дореволюционный период его изучения устанавливались лишь некоторые его отличия от персидского языка и были собраны материалы по некоторым его диалектам и говорам.

Подлинно научное изучение таджикского языка, систематическое описание фонетической и морфологической его системы, а также исследование и классификация его диалектов начато после победы Октябрьской революции в нашей стране. Ещё в 1927—28 г.г. И. И. Зарубиным был установлен фонетический состав таджикского языка и дано описание его грамматической системы. В том же (1928) году им написана работа «Очерк разговорного языка самаркандских евреев». В 1930 году М. С. Андреев в своей работе «Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров» приводит деление таджикских говоров на две группы: северо-западную и юго-восточную, давая в основных чертах сравнительную характеристику этих двух групп.

Дальнейшее описание отдельных таджикских диалектов и говоров дает более или менее полное представление по описываемым говорам. К числу таких работ относятся работы В. С. Расторгуевой «Варзобский говор таджикского языка» (1939 г.), Р. Л. Неменовой «Куляб-

ские говоры таджикского языка (северная группа)», 1950 г., Успенской «Каратагский говор таджикского языка» (1949 г.) и другие.

В данной работе В. С. Расторгуевой дается полное представление о грамматической системе говора, причем отражены все основные факты как специфически варзобские, так и общетаджикские.

В настоящее время более изученными являются северо-западные и центральные говоры таджикского языка, юго-восточные говоры изучены мало.

Говоры, бытующие за пределами Таджикистана, почти вовсе не изучены.

Гениальное учение И. В. Сталина о значении исследования территориальных диалектов в установлении истории языка ставит перед лингвистами-таджиковедами (диалектологами) задачу — уделить ещё больше внимания изучению таджикских говоров, распространенных как на территории Таджикской ССР, так и за пределами её.

Настоящая работа представляет собою описание группы таджикских говоров, бытующих на территории Казахской ССР. Эта группа имеет распространение в пяти кишлачных советах Бастандыкского района Южно-Казахстанской области: Брич-Муллинском, Богистанском, Нанайском, Узунском и Пскемском. Каждый из этих кишлачных советов включает по несколько кишлаков.

Данная группа говоров до настоящего времени не была изучена и почти вовсе не упоминается в диалектологических работах. Только в работе М. С. Андреева «Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров» (1930 г.) перечислены некоторые фонетические и морфологические особенности брич-муллинского говора.

Однако эти говоры представляют особый научный интерес. Большинство из них вследствие массового двуязычия населения, владеющего одинаково хорошо таджикским и узбекским языками, в сильной степени подверглись влиянию узбекского языка.

В Бастандыкском районе насчитывается около двадцати кишлачных советов, из которых пять (Брич-Мулло, Богистан, Нанай, Узун и Пскем) по своему национальному составу являются таджикскими, а все остальные населены казахами.

Весь этот район расположен в горной местности между Каржантайским и Пскемским хребтами. Районный центр находится в кишлаке Бастандык, расположенном на левом берегу реки Чирчик в ста километрах к северо-востоку от Ташкента. Обследованные нами пять таджикских кишлачных советов (Брич-Мулло, Богистан, Нанай, Узун и Пскем) находятся в северо-восточной части Бастандыкского района между Угамским и Пскемским хребтами на левом берегу реки Пскем и её притоков. Все эти кишлаки окружены высокими горами.

Материалы, положенные в основу данной работы, собраны во время двухмесячной командировки (февраль—март 1952 года) на месте, в Бастандыкском районе.

Настоящая работа посвящена характеристике группы говоров, распространенных в этих пяти кишлачных советах: Брич-Муллинском, Богистанском, Нанайском, Узунском и Пскемском. Внутри данной группы отчетливо выделяются три говора, отличающиеся друг от друга по ряду фонетических, морфологических и лексических признаков: брич-муллинский, богистанский и нанайский. В говорах жителей Узунского и Пскемского кишлачных советов нет существенных отличий от брич-муллинского говора.

Основная часть работы посвящена описанию брич-муллинского говора, который имеет широкое распространение (в трех кишлачных советах: Брич-Муллинском, Узунском и Пскемском). В заключительной главе (в IV части) даны особенности богистанского и нанайского говоров сравнительно с брич-муллинским.

Диссертация состоит из следующих разделов:

I. Введение (обзор литературы по северным таджикским говорам, а также метод исследования и сбора материалов).

II. Общие сведения о районе исследования (краткий географо-этнографический очерк тех кишлаков, где распространены данные говоры).

III. Описание брич-муллинского говора (типичного для данной группы говоров) сравнительно с литературным таджикским языком.

IV. Особенности богистанского и нанайского говоров сравнительно с брич-муллинским.

V. Заключение (место группы таджикских говоров

Бастандыкского района среди других таджикских говоров).

К работе прилагаются: тысяча двести разговорных фраз, одиннадцать сказок и рассказов и словарь диалектизмов.

Основные черты группы таджикских говоров Бастандыкского района

Группа таджикских говоров Бастандыкского района Южно-Казахстанской области характеризуется следующими особенностями:

В фонетике

1. Система вокализма существенно отличается от системы вокализма литературного языка. В ней насчитывается восемь гласных фонем: и, й, е, а, о, у, $\bar{y}$, $\bar{u}$ — вместо 6 гласных фонем литературного языка (и, е, а, у, $\bar{y}$, о).

Как видно, в противоположность литературному языку, фонематически различаются и-долгое (й) и и-краткое (и), а также у-долгое ($\bar{y}$) и у-краткое (у).

В отличие от литературного языка, в этих говорах звук «у», как фонема, имеет очень ограниченное употребление. Он встречается преимущественно в словах, заимствованных из узбекского языка, таких как: кузи — ягнёнок, унунчи — десятый, ура — яма, урта — середина, туртунчи — четвертый и пр., а также в словах, заимствованных из русского языка, где он заменяет собою русское ударное «о». Например: тушни, тулка, духтур и т. п. — вместо русского «точный, только, доктор».

Почти во всех таджикских словах литературному «у» в данных говорах соответствует звук « $\bar{u}$ »: р $\bar{u}$ — лицо, м $\bar{u}$ — волос, р $\bar{u}$ з — день, ду $\bar{r}\bar{u}$ г — ложь, неправда, п $\bar{u}$ ст — кожа, т $\bar{u}$ й — свадьба, ш $\bar{u}$ р — солёный и др. — вместо литературного «ру, му, руз, дуруг, пуст, туй, шур».

Гласные фонемы с количественной стороны делятся на две группы: устойчивые и неустойчивые. Фонемы о, й, $\bar{y}$, е, $\bar{u}$ — устойчивые, а, у, и — неустойчивые.

2. Система консонантизма в основном не отличается от системы консонантизма литературного языка, т. е. в описываемых говорах также имеется 23 согласных звука.

В отличие от литературного языка, звуки в, ф — не губно-зубные, а губно-губные, щелевые согласные с плоской щелью.

Широкое распространение имеют в этих говорах следующие фонетические явления:

Литературному «е» в данных говорах в ряде случаев соответствует «й». Например: мйхмон — гость, мйхнат — труд, хйзум — дрова, дйг — котел, пйш — перед, тйс-тйс — быстрее и пр. — вместо литературного мехмон, мехнат, хезум, дег, пеш, тез-тез.

Обратное соответствие литературного «и» звуку «е» в говорах отмечено в слове дена — вчера — вместо литературного «дина» и др.

Литературному «о» соответствует «у» в следующих словах: мухо — мы, ун тараф — та сторона — вместо литературного мо, он тараф и пр.

Литературному «о» соответствует также «и» в слове калиш — вместо литературного калош.

Литературному «о» соответствует «а» в слове «ин ча» — вместо литературного «ин чо» — здесь.

Обратное соответствие литературного «а» звуку «о» в говорах отмечено в словах: ако — старший брат, додо||дадо — отец — вместо литературного «ака», а также дада (узб.).

Литературному «у» в открытом безударном слоге обычно соответствует звук «и»: ико — младший брат (и младшая сестра), кишо — открывай, шимо — вы и др. — вместо литературного ука, кушо, шумо.

Литературному «ф» соответствует звук «п». Это явление наблюдается в любой позиции: и в начале, и в середине, и в конце слов: Парғона — Фергана, пакат — только, ипλος — грязный, гупт — он сказал, соп — чистый, прозрачный и пр. — вместо литературного Фарғона, факат, ифлос, гуфт, соф.

Литературному «х» соответствует «ф» в слове мўфточ — вместо литературного мухточ — нуждающийся.

Литературному «х» соответствует также звук «х» в позиции между гласными или после гласного: Рахим —

имя мальчика, махси — ичиги — вместо литературного Рахим, махси и др.

Литературному «к» в закрытом слоге перед следующим согласным соответствует звук «х»: ахл — ум, тахсим — (распре)деление, махсат — цель, вахт — время — вместо литературного акл, таксим, мақсад, вақт и пр.

Литературному «в» соответствует звук «б» в слове бафо — верность — вместо литературного вафо.

Литературному «р» соответствует «н» в слове зандолу — абрикос — вместо литературного зардолу и т. д.

В ряде основ настоящего времени литературному «з» соответствует звук «х». Например: тох — беги, дух — шей, пух — вари (обед), сух — жги и др. — вместо литературного тоз, дуз, паз, суз.

В начале некоторых слов перед гласными появляется звук «х», там, где это не обосновано этимологически (хафтамбил — вместо автомобиль и др.).

В ряде слов арабского происхождения отсутствующий в данных говорах звук айн (ع) заменяется звуком «ф» (вагда — обещание — вместо литературного ваъда), а между гласными — звуком х: сохат — часы — вместо литературного соат.

Когда встречаются в одном слове два гласных звука, т. е. когда к словам с исходом на гласный присоединяются какой-либо показатель или местоименная энклитика, начинающиеся с гласного, один из них выпадает. Так, например: при встрече двух «а» обычно одно «а» выпадает: куттам < курта + ам — мое платье, апат < апа + ат — твоя мать и др.

Когда встречается звук «а» с другим гласным, обычно звук «а» выпадает: туфлим < туфли + ам — мои туфли, муш < му + аш — её косы, чорсут < чорсу + ат — твой платок и т. п.

При встрече гласного «е» с гласным «и» (в настоящем — будущем времени глагола истодан — стоять) обычно звук «е» выпадает: мистам < ме + истам — я постою.

При встрече других гласных оба звука сохраняются (как и в литературном языке).

В говоре широко распространено отпадение и выпадение звуков, результатом которого является упрощение и сокращение ряда слов и сочетаний. Отпадают и выпадают в основном звонкие смычные б, г, д, н, а также

глухой смычный к: хо < хоб — сон, таи < таги... — под..., ран < ранг — краска, омдан < омаданд — они пришли, ратан < рафтанд — они ходили, ушли, и < ин — это, хаму < хамон — тот самый, ма < ман — я, йа < йак — один и др. Примеры: Халима хо рафтас-мй? — Халима спит? ачам кутташа ран кэрас — моя мать покрасила своё платье; и каса мишнохит-ми шимо? — вы этого человека узнаете? ма оку хамва растани вудийам — (говорят), будто бы я теперь собираюсь за него выйти замуж; йа пас гарм шэвим, мирим-де — немножко согреемся, (потом) пойдем.

Отпадают и выпадают также щелевые согласные х и з: мйнат < мехнат — труд, мймон < мехмон — гость, ма < мох — месяц, ра < рох — дорога, бо < боз — ещё и др. Примеры: кани мймоно? — где гости? йа ма воз инхо кэсал, хичцова биромадгмам не — они уже целый месяц болеют, я никуда не хожу; ра дур будас-мй? — дорога далеко? имсол бо мибийоит-мй? — в этом году вы спать придете?

В беглой речи могут выпадать не только отдельные звуки, но и группы звуков и целые слоги: ка < карда — сделав и кани — где; ну-ка, ика < ин қадар, хамқа < хамин (хамон) қадар — столько, чанқа < чанд қадар — сколько? ан || ани < аз они — местоимение, указывающее на принадлежность, хамча < хамин (хамон) чо — здесь; там, капратанда < кооперативанда (лит. — дар кооператив) — в кооперативе, малим < муаллим — учитель и пр. Это явление особенно отчетливо обнаруживается в сложных глагольных формах: таисас < тарсида истодааст — боится, гиттут < гирифта буд — он брал, кор кахотас < кор карда хоб рафтааст — он работает, кисас < карда истодааст — делает и т. п.

В некоторых словах наблюдается и наращение звуков. В материалах по описываемым говорам зафиксировано наращение звуков т и г: дост < дос — серп, овизгон < овезон — висящий.

Перестановка звуков в наших материалах засвидетельствована в следующих словах: йадираг < якдигар — друг друга, гурзондан < гузаронидан — переносить, ишша < шиша — стекло; бутылка, нивара < набера (здесь е заменяется звуком и) — внук, внучка, турғи < туғри — правильный, правильно.

Так же, как и в некоторых других северных говорах,

в исходе слов звонкие согласные обычно оглушаются. Оглушаются главным образом звонкие согласные: д, б, з: партохит < партоед — бросайте, зат < зад — он бил, хароп < хароб — худой, тис-тис < тез-тез — быстрее и т. д.

В морфологии

Морфологические отличия этих говоров заключаются в следующем:

1 Множественное число имен образуется при помощи суффиксов «о, хо, он, кон» (вместо литературного «гон»): халко — народы, гапо — разговоры, солхо — годы, мухо — мы, зэнон — женщины, башкон < бачагон — дети и пр.

Специфической особенностью данной группы говоров (в области категории множественности) является следующее:

а) при образовании множественного числа ряда имен, обозначающих людей, употребляется двойной суффикс множественности (он+хо=онхо, он+о=оно, кон+о=коно): зэнонхо (зан+он+хо) — женщины; мардонхо (мард+он+хо) || мардоно (мард+он+о) — мужчины; башконо (баш < бача+кон+о) — дети и т. д.;

б) показатель множественности может присоединяться к именам, имеющим местоименную энклитику, и в этом случае форма множественного числа имеет собирательное значение, как например: аммамхо — что значит не мои тетки, а моя тетка вместе с её близкими или с её семьёй; дадомхо — мой отец вместе с его товарищами; ачамхо — моя бабушка вместе с её близкими или с её семьёй; холашхо — её тетка вместе с её близкими или с её семьёй и т. д.

2) Особенности числительных: счет (в речи стариков) ведется двумя способами:

а) двадцатками: чор бист — восемьдесят, се бисту хаф — шестьдесят семь и т. д.;

б) путем вычитания единиц, недостающих до полного десятка (при этом между вычитаемыми единицами и десятками ставится слово «кам» — мало): ду кам бис — восемнадцать, чор кам сад — девяносто шесть и пр.;

в) в говорах параллельно с таджикскими числительными используются и узбекские числительные (как количественные, так и порядковые): хозир-хамтова ман

саксананда — сейчас мне восемьдесят лет; биринчи курпуса унунчи нумрашанда вудас — он оказался в десятом номере первого корпуса.

3) Личные местоимения 1 лица множественного числа мо || муҳо (в речи стариков) часто используется в значении 1 лица единственного числа: вай вахтанда мо дузда-сенздаханда будгӣ — тогда я (досл.: мы) был в возрасте 12-13 лет; ҳозиранги вахтанда муҳо йакам шаспа омдим — в настоящее время мне (досл.: нам) 59 лет. Личное местоимение 1 лица единственного числа «ман» имеет вариант «ма» — я: ма оку ҳамва растани вудийам — (говорят), будто бы я теперь собираюсь за него выйти замуж.

4) Система предлогов и послелогов также имеет отличия от литературного языка. Параллельно с таджикскими предлогами и послелогоми используются также послелоги, заимствованные из узбекского языка (ичун || учун — для, ради, из-за; блан — с, вместе с...; -га — в, на; -дан — из, от; -гача — до и пр.)

Количество предлогов значительно меньше, чем в литературном языке, т. е. имеется всего три предлога: аз || ас || а — из, от, кати — с, вместе с..., ба (вместе с предлогом кати используется в функции литературного предлога «бо» — с, вместе с...), а предлог «бо» и другие предлоги литературного языка, а также послелог-ро, совершенно отсутствуют.

Послелог «-а || йа» (после гласных) имеет значительно более широкие функции, чем в литературном языке. Помимо своей основной функции (показатель прямого объекта), он может заменять собою многие другие предлоги и послелоги: ма́лим-а гуттам, пага мамба китов митийат — я попросил учителя, он завтра принесет мне книгу; ман бозор-а раттудам — я ходил на базар; Ишмат ошхонанда штас, пийода-йа алоп кэдаc — Ишмат сидит в кухне, разжигал очаг.

5) Послелог «-а», присоединяясь к определению, служит также для связи его с определяемым словом, который, принимая соответствующие местоименные энклитики, выражает принадлежность: ин духтар шимо-йа духтарэтон, шимо́йа мондок — эта девочка ваша (дочка), похожа на вас.

6) Сравнение выражается при помощи предлога «а», послелога -дан (узб.) или же сочетанием данного пред-

лога с этим же послелогом: а и (н) тэтаркилни ман дируст вудас — моя невестка — татарка, оказывается, лучше неё; пйштар мэна (м) чой-дан ов (и) хинука нағз миддам — раньше я тоже любила холодную воду больше, чем чай; и (н) кас чилва раттаги, а ман-дан пан (ч) сол катта — ей сорок лет, (она) на пять лет старше меня.

7. Первичные личные глагольные окончания:

ед. ч.	мн. ч.
I -ам —	-им
II -и —	-ит (-итон)
III -ат —	-ан

8) Вторичные окончания:

ед. ч.	мн. ч.
I -ам —	-им
II -и —	-ит (-итон)
III -ас —	-ан

Глагольная связка III лица единственного числа «ас» употребляется только при глагольном и сложном именном сказуемом, а простое именное сказуемое выражается без связки.

9) Значительно отличается от литературного языка и других говоров спряжение глаголов в перфекте. Особое окончание имеет только III лицо единственного числа. За исключением I и III лица единственного числа и III лица множественного числа, все остальные лица единственного и множественного числа полностью совпадают с простым прошедшим временем. Исходный «а» деепричастия в I лице единственного числа и III лице множественного числа в результате быстрого произношения переходит в сильно редуцированный и:

по говорам:		в литер. языке.	
ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
I хондийам —	хондим	хонда-ам —	хонда-ем
II хонди —	хондит (хондитон)	хонда-и —	хонда-ед
III хондас —	хондийан	хонда-аст —	хонда-анд

10) Имеются некоторые отличия в самих типах глагольных основ. Например: у глагола «рехтан» — лить,

сыпать основа настоящего времени будет «рих» — вместо литературного «рез»; у глагола «тохтан» — скакать основа настоящего времени будет «тох» — вместо литературного «тоз»; у глагола «истодан» — стоять основа настоящего времени — «исто» — вместо литературного «ист» и т. д.

11) Существенно отличается от литературного языка и наличие у приставки ме несколько фонетических вариантов, обусловленных ассимиляцией гласного звука этой приставки с гласными звуками основы глагола: митийам < медихам — даю, отдам, мудухам < медушам — шью, муфурухат < мефурушад — продает, мибардорам || мебардорам (очень редко) — поднимаю и пр.

12) Имеется несколько глагольных форм, неизвестных литературному языку. Например: настоящее определенное время глаголов типа: хондахотийам — читаю, ратахотийам — иду и т. д.

13) Глагол «додан» (при инфинитиве другого глагола) используется для обозначения начала действия. Например: рафтан додам — я пошел — вместо литературного «рафтан гирифтам» и др.

14) Имеются сложно-деепричастные глаголы, неизвестные литературному языку: один и тот же глагол выступает и как основной, и как модифицирующий. Например: биратта мирим — пойдём, гита биратта мират — несет, гуфта биратта мират — говорит и пр. В наших материалах зафиксирован в таких сочетаниях только глагол «рафтан» — итти. Подобные сложно-деепричастные глаголы используются для выражения длительности действия.

15) Некоторые сложные глагольные формы в результате сильного стяжения превратились в простые:

таисас < тарсида истодааст (настоящее определенное время глагола «тарсидан» — бояться),

гуттут < гуфта буд (прежде-прошедшее время глагола «гуфтан» — сказать, говорить) и пр.

16) Так же, как и во всех таджикских говорах, неупотребительна и даже неизвестна форма сложного будущего времени (хохам хонд).

17. Употребление отглагольных имен и предположительной формы глагола совпадают с таковыми литературного языка.

В синтаксисе

Синтаксис предложения в целом не имеет существенных отличий от синтаксиса литературного языка. Однако в исследуемых нами говорах порядок членов предложения (особенно сказуемого) во фразах более свободный, чем в литературном языке: сказуемое может стоять в начале, середине и конце предложения. В разговорной речи наиболее употребительны простые, короткие предложения.

Для сочинительной связи слов и предложений широкое употребление имеет союз -у || йу (после гласных). Для связи придаточных предложений с главными наиболее употребительным является союз «ки» — что.

В словарном составе

В основном словарном фонде исследуемой нами группы говоров, помимо слов общих с литературным языком, имеются также слова, свойственные только этим говорам. Например: обдон — окончательно; никогда; нисколько; очень — вместо литературного тамоман — окончательно, хеч — никогда; нисколько; чудо — очень (хоп обдон манйам адо кат — бессонница меня тоже окончательно измучила; ман обдон дидгим не вэйа — я никогда не видел его; обдон кувтам не-де — нисколько нет силы у меня; обдон хинук хурдит-те — вы очень замерзли); тахсимча — тарелка — вместо литературного «табакча»; чорсу — платок, который носят мужчины вместо пояса — вместо литературного «румол»; ¹⁾ овизгон кардан — вешать — вместо литературного «овехтан» и др. (подробное перечисление этих слов приведено в «Словаре диалектизмов».

Некоторые слова литературного таджикского языка в говорах используются абсолютно в другом значении, например: в отличие от литературного языка, в этих говорах вопросительная частица «магар» — разве, помимо своего основного значения, используется также в значениях модальных слов и выражений типа: афташ || аз афташ — кажется, как будто, употребительного в литературном языке. Примеры: апаш гиндошта мондги, ма-

¹⁾ румол — в данных говорах обозначает платок, который носят женщины на голове.

гар — её мать как будто убрала (о вещах); шарм дошта бирапт, магар, шимойа дида — кажется, она застыдилась, увидев вас.

Глагол «йофтан» — находить, помимо своего основного значения, употребляется в значении «таваллуд кардан» — рожать. Например: ина йофтагиманда башкон нав мафтав биромдаги вут — когда я этого родила, дети только-что начали заниматься в школах.

Слово «нийода» — пешком также, кроме своего основного значения, используется в значении «оташдон»¹⁾ — очаг. Например: Ишмат ошхонанда штас пийодайа алоп кэда — Ишмат сидит в кухне, разжигая очаг и т. д.

Одной из отличительных особенностей этих говоров является наличие в их словарном составе большого количества заимствований из узбекского языка.

Из узбекского языка заимствованы слова следующих категорий: некоторые термины родства (апа — 1) мать — молодая; 2) старшая сестра; ача — 1) мать — пожилая или старая; 2) бабушка; йанга — жена старшего брата или дяди и др.), некоторые слова, употребляющиеся по отношению людей для обозначения различного их свойства (қари — старик, қочки — беглец, қушни — сосед и т. д.), названия некоторых животных (туяа — верблюд, ишки — коза и т. п.), названия некоторых частей тела и внешнего вида человека (қилоғ || қулоғ — ухо, тус — внешность и пр.), названия некоторых предметов домашнего обихода (чумуч — половник, наrsa — вещь и др.), названия некоторых видов одежды (кийим — одежда, утуг — сапоги, қулқоп — перчатка и т. д.), большое количество отглагольных образований с суффиксом «-миш», употребляющихся в сочетании с таджикским глаголом «кардан» — делать (йиғилиш кардан — собираться, йозмиш кардан — писать, учрамиш кардан — встретиться и т. п.), большое количество числительных (количественных и порядковых: бир — один, ун — десять, биринчи — первый, унунчи — десятый) и т. п.

В словарный состав данных говоров вошло и продолжает входить большое количество слов из русского языка.

Находясь на территории Казахстана и в окружении

¹⁾ оташдон (в говорах произносят обычно «оштон») — обозначает печку для печения лепешек.

казахского языка, эти говоры не могли остаться и без влияния языка казахского. Однако надо отметить, что это влияние очень незначительное и в наших материалах по настоящей работе засвидетельствованы лишь несколько слов, заимствованных из казахского языка: қағдай — условие (жизни, работы и пр.), ағай — хозяин и др.

Особенности говоров жителей Богистана и Наная по сравнению с брич-муллинским говором

Анализ говоров Богистана и Наная показал, что они в основе своей однородны с брич-муллинским говором и имеют больше общих черт, чем различий, так что они составляют одну общую группу говоров.

Расхождения, на основании которых данная группа говоров делится на три говора (брич-муллинский, богистанский и нанайский) имеются в фонетике — в ряде специфических фонетических явлений, в морфологии и частично в лексике.

В составе гласных и согласных между этими тремя говорами расхождения нет. Говорные их отличия в области фонетики заключаются в различном использовании одних и тех же общих фонетических признаков.

Приводим классификационные признаки богистанского и нанайского говоров сравнительно с брич-муллинским говором:

1. В области фонетики:

брич-муллинский	богистанский	нанайский
1) звук «е» как правило заменяется звуком «й»: рйзги < резги — обрезки, бймаза < бемаза — безвкусный, дйг < дег — котел и пр.;	встречаются случаи замены звука «е» звуком «й», но реже, чем в брич-муллинском: резги, бемаза, дйг;	этот звук во всех словах сохраняется, как и в литературном языке: резги, бемаза, дег;
2) в словах «шин» — сладкий и «бин» — посмотри имеется звук «и» также, как и в литературном языке: шин, бин;	в этих же словах звук «и» заменяется звуком «е»: шерин, бен;	в этих словах тоже наблюдается то же явление, что и в богистанском: шерин, бен;

брич-муллинский	богистанский	нанайский
3) в слове «чашм» — глаз имеется звук «а», как и в литературном языке;	это слово произносится так же, как и в брич-муллинском;	в данном слове звук «а» заменяется звуком «и» (чишм);
4)	во многих словах звук «а» заменяется звуком «о»: косол < касал — больной, осйондо < осийонда (лит. — дар осие) — в мельнице и пр.;	
5) слово «бозор» — базар, рынок произносится так же, как и в литературном языке;	в данном слове первый звук «о» заменяется звуком «у» (бузор);	то же самое, что и в брич-муллинском;
6) звуки в, ф — губно-губные;	данные звуки — губно-зубные, как и в литературном языке;	так же, как и в богистанском, эти звуки губно-зубные;
7) звук «ф» имеет ослабленную фонематическую значимость и часто заменяется звуком «п»: Паргона < Фаргона — Фергана, рафт рапт — сн ушел, соп < соф — прозрачный, чистый и др.;	звук «ф» сохраняется так же, как и в литературном языке;	то же самое, что и в богистанском;
8) в словах «дугтар» — дочь и «дугта» — два, в начале звук «д» сохраняется, как в литературном языке;	в этих же словах звук «д» заменяется звуком «т»: тухтар, туга;	так же, как и в богистанском, звук «д» в данных словах заменяется звуком «т» (тухтар, туга);

брич-муллинский	богистанский	нанайский
9)		в глагольных формах настоящего определенного и преждепрошедшего времени типа: хондахотийам — я читаю, гуфтахотас — он говорит, кашондахотас — он везет; несет, омдахотудам — я шел и пр. (свойственных брич-муллинскому и богистанскому говорам) в суффиксе «-хот» звук «х» заменяется звуками «г» или «к»: хондаготийам хондакотийам, гуфтаготас гуфтакотас, кашондаготас кашондакотас, омдаготутам омдакотутам и пр.;
10)	наблюдается наращение звука «о» в конце глаголов: кадасо — он сделал, хондасо — он читал. мирафтасо — он пойдет и пр. — вместо литературного кардааст, хондааст, мерафтааст и пр.	

2. В области морфологии:

1) возвратное местоимение «худ» — сам имеет произношение «хуаш хидаш» — он сам и др.;	это местоимение произносится так же, как и в брич-муллинском;	данное местоимение сильно сокращается, принимая формы «хаш хуаш»;
2) стяжение глагольных форм: микнам мукунам < мекунам — я сделаю, хораптас < хоб рафтааст — он спит, кадагис < кардагист —	стяжение глагольных форм совпадает с брич-муллинским;	наблюдается более сильное стяжение глагольных форм: мекам, хоттас, кагис, бози котас и пр.;

брич-муллинский	богистанский	нанайский
возможно, он сделал, бози кахотас бози кисас < бози карда истодааст—он играет и пр.;		
3) стяжение деепричастий: ка < карда — сделав, нада < надида—не видел, гита < гирифта—взяв, получив и пр.;	стяжение деепричастий также совпадает с брич-муллинским;	отличается от первых двух говоров стяжение деепричастия настоящего времени «гон < гирон» — получая.

3. В области лексики:

1) ишки — коза	буз	буз
2) йетмиш — семьдесят	хафтот	хафтот
3) овизгон кардан — повесить	обрихтан	овехтан
4) ичро кардан — выполнять	бацо гирон омадан	ичро кардан
5) чидойам чойам — очень	так же, как в брич-муллинском говоре	чилйам — очень
6) тахсимча — тарелка	лаганча	так же, как и в богистанском говоре
7) пийода — очаг	сайрак	дегсанга
8) ертаги — сказка	сунчак	как в богистанском и пр.

Помимо приведенных фонетических, морфологических и лексических расхождений, имеются отличия между этими тремя говорами и в их основном словарном фонде. Слова, существующие в основном словарном фонде богистанского и нанайского говоров и отличающие их от брич-муллинского говора, приведены в «Словаре диалектизмов».

Из числа этих трех говоров богистанский говор противопоставляется двум остальным (брич-муллинскому и нанайскому) также своей специфической интонацией, которая сближает его с говором бухарских евреев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из приведенной характеристики грамматического строя и словарного состава таджикских говоров Бастандыкского района Казахской ССР видно, что их можно объединить в одну общую группу говоров. Более того можно сказать, что в них значительно больше общих явлений, чем расхождений. Из числа явлений общих для всех этих говоров можно отметить следующие:

а) в фонетике:

1) редкое употребление фонемы у, замена её почти во всех таджикских словах звуком ū;

2) частые отпадения и выпадения звука х;

3) губно-губное произношение звуков «в» и «ф»;

4) замена двух рядом стоящих «а» одним звуком «а»;

5) замена арабского айна (ع) в словах ағзо — член и вағда — обещание звуком ғ: ағзо, вағда;

6) перестановка звуков в словах: гурзондан < гузaronидан — переносить, йадираг < якдигар — друг друга;

7) соответствие звука «х» литературному «з» в основах настоящего времени типа: тох < тоз — беги, пух < паз — вари, готов (о пище), сух < сүз — сожги, дух < дуз — шей и пр.;

б) в морфологии:

1) сильное стяжение сложных глагольных форм и превращение их в простые;

2) замена литературного «-ро» послелогом «-а́»;

в синтаксисе: синтаксическая конструкция, представляющая сочетание определения с определяемым словом, типа: туйа апат — твоя мать; наличие большого количества послелогов, заимствованных из узбекского языка и пр.;

в словарном составе:

1) наличие ряда слов таджикского происхождения, отсутствующих в литературном языке;

2) наличие большого количества слов, заимствованных из узбекского языка.

По некоторым признакам эти говоры имеют сходство с группой северо-западных таджикских говоров, по другим признакам — с группой юго-восточных говоров.

Почти полное отсутствие (за исключением некоторых слов) фонемы «у» сближает их с юго-восточными говорами, а отсутствие фонемы х и г, система предлогов и послелогов, наличие окончания II лица множественного числа «-итон» < -етон», наличие глагольной связки III лица единственного числа ас < аст, система глагольных времен и отсутствие личного местоимения III лица единственного числа у — сближает их с северо-западными говорами таджикского языка.

Обилие заимствований из узбекского языка сближает эти говоры с чувским говором.